

111 70

АСТЕРИИ МИРЪ

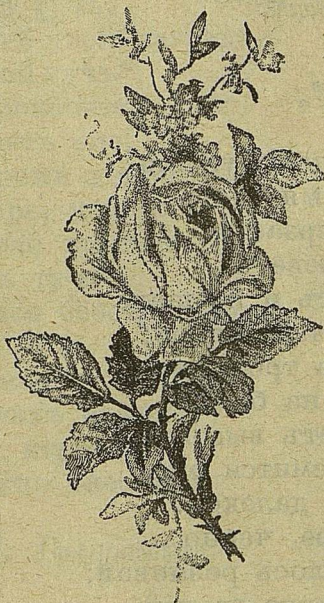

1910

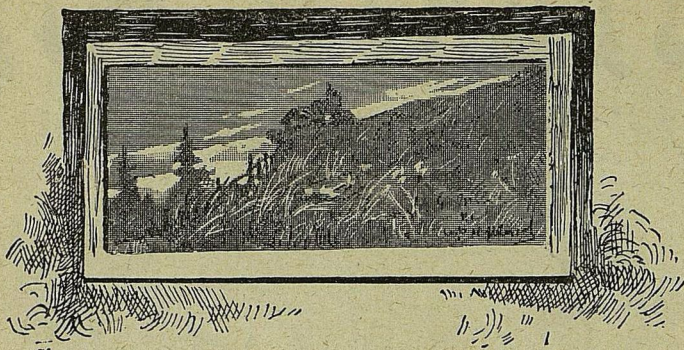
1-го марта 1910 г.

ДѢТСКІЙ МІРЪ

III $\frac{35}{10.}$

№ 4-й.

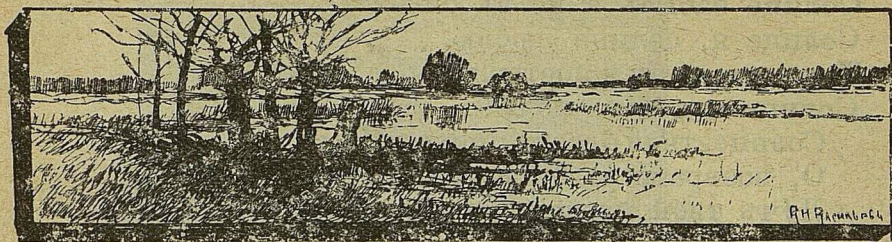
*
* *

Вѣтеръ свободный гуляетъ,
Сосны печальныя гнетъ,
Бурное море терзаетъ.
Море сердито реветъ,
Море бушуетъ и плещетъ
Гордой могучей волной;
Робкая чайка трепещетъ;
Море готово на бой...
Волны вздымаетъ высоко,
Къ солнцу стремится оно,
Солнце далеко, далеко...
Небо, какъ море, черно...
Тучей покрылось ревнивой;
Солнца не видно за ней.
Море тоскуетъ бурливой
Вольной волною своей...
„Вѣтеръ свободный, могучій,
Дай мнѣ на солнце взглянуть,
Тамъ ли за яростной тучей
Солнце свершаетъ свой путь?
Солнце мнѣ, солнце отдайте!
Солнце забуду ль? О нѣтъ!
Вы отъ меня не скрывайте,
Яркій чарующій свѣтъ!

Солнце забыть я не въ силахъ;
Солнце я, солнце люблю.
Тучъ не хочу я постылыхъ;
Солнце отдайте, молю!
Солнце, твой блескъ прихотливый
О, возврати мнѣ скорѣй!
Лучъ твой игралъ шаловливо,
Радостно въ шири моей...
Сбросить хочу я преграды,
Ярость безумную тучъ;
Будетъ мнѣ свѣтъ твой награда,
Снова увижу твой лучъ".
Бурное море рокочетъ,
Волны вздымаетъ оно;
Туча надъ моремъ хохочетъ...
Небо, какъ море, черно.
Солнце разбросило властно
Ковы и заговоръ тучъ;
Смотрить, смѣется безстрастно
Солнца сіяющій лучъ.
Вѣтеръ надъ моремъ гуляетъ;
Чайка на скалахъ кричитъ;
Море ликуетъ, играетъ;
Солнце спокойно блеститъ.

Н. Гиляровская.

Волшебныя бусы.

Загадка въ стихахъ.

(Продолженіе).

ГЛАВА III.

Ш и т к а б у с ь.

— Ура!—воскликнулъ Максъ.—До пятницы мы будемъ вести хозяйство и все сами дѣлать.

— Вотъ славно-то!

Рѣшивъ, наконецъ, привести въ исполненіе этотъ смѣлый планъ, дѣти, не теряя времени, тотчасъ же перенесли наверхъ вещи и распредѣлили между собою спальни. Ясно было видно, какія комнаты предназначала для нихъ тетя Керри: для дѣвочекъ была приготовлена комната, выходящая на дорогу, а для Макса—съ окнами въ садъ. По этой сторонѣ дома росло старое дерево, по которому легко было изъ окна спуститься на землю.

— Вотъ хорошо! Я могу по нему спуститься, какъ по лѣстницѣ!—воскликнулъ Максъ, выглядывая въ окно. Замѣчаніе это оказалось потомъ почти пророческимъ.

На разборку вещей пошло немного времени, потому что, какъ только Эвелина начала укладывать вещи въ ста-

ринный комодъ, Христина вдругъ вспомнила, что они еще не видѣли одного изъ главныхъ сокровищъ дома.

— Бусы!—воскликнула она.—Пойдемъ, поищемъ ихъ. Тетя Керри говорила, что онѣ въ гостиной на столѣ.

Уборка Макса состояла въ томъ, что онъ открылъ свой маленькій чемоданъ, все высыпалъ, какъ попало, на кровать, и охапками побросалъ въ два пустыхъ ящика. Такимъ образомъ онъ скоро справился и спустился внизъ, а Эвелина черезъ нѣсколько минутъ присоединилась къ нимъ. Роговой ящичекъ, дѣйствительно, стоялъ въ гостиной на столѣ. Всѣ три головки склонились надъ нимъ, когда Максъ открывалъ крышку,—и вотъ они увидѣли знаменитую нитку бусъ. Первое впечатлѣніе дѣтей было почти разочарованіе. Ничего не было особеннаго въ бусахъ: онѣ были величиною съ дробь, а нитка длиною не болѣе 9 дюймовъ, и на концѣ ея была маленькая кисточка изъ красной шерсти!

— Фу!—воскликнула Эвелина.—Стоило хранить такой хламъ столько лѣтъ.

— Подожди немного,—возразилъ Максъ.—Здѣсь есть что-то интересное. Я думаю, это стишокъ, который папа повторялъ вчера вечеромъ.

На внутренней сторонѣ крышки былъ прилѣпленъ кусокъ пергамента, на которомъ былъ написанъ четкимъ тонкимъ почеркомъ порыжѣвшими чернилами старый куплетъ:

„Наше таинственное значеніе составляетъ секретъ.

Вотъ ключъ къ замку, найдите ключъ къ ключу.“

— Ну вотъ!—воскликнулъ Максъ.—Это что-нибудь да значить. Посмотримъ на нихъ еще разъ.

Талисманъ снова подвергся критическому осмотру.

Въ немъ ничего не было таинственнаго. Случайный наблюдатель могъ бы подумать, что его подняли на полу.

Дѣти сосчитали бусы, — оказалось 82. Онѣ были

семи различныхъ цвѣтовъ—красныя, синія, зеленыя, желтыя, черныя, бѣлыя и коричневыя. Питка начиналась бѣлой; затѣмъ—черная; потомъ двѣ бѣлыя, двѣ красныя, четыре синія, двѣ коричневыя, и въ концѣ самое разнообразное соединеніе различныхъ цвѣтовъ. Въ нанизываніи, казалось, не было ни смысла, ни толка,—маленькій ребенокъ, лѣниво опускаая кончикъ иглки въ ящикъ со смѣшанными бусами, могъ-бы достигъ такихъ же результатовъ.

— Не понимаю,—сознался Максъ.—Это не похоже на кольца, гдѣ первая буква каждаго камня означаетъ что-нибудь, какъ напр. р—рубинъ. Здѣсь, рядомъ четыре бусы одного цвѣта. Нельзя-же повторять одну и ту же букву четыре раза!

— Мнѣ кажется, отецъ правъ, и это только глупая шутка въ родѣ кровати съ механизмомъ,—нетерпѣливо замѣтила Эвелина.—Спрячемъ эту глупую вещь и не будемъ больше тратить времени.

Христинѣ также было досадно.—Какъ жаль!—сказала она недовольнымъ тономъ.

Максъ, державшій нитку бусъ, тихо опустилъ ее снова въ ящикъ; но прежде чѣмъ закрыть его, снова взглянулъ на выцвѣтшія строки.

— По-моему, въ нихъ былъ какой-нибудь смыслъ,—сказалъ онъ тихо.—Но не думаю, чтобы можно было его теперь найти.

Положимъ,—въ нихъ все-таки есть что-то удивительное,—замѣтила Христина,—сказочное. Назовемъ ихъ „Волшебныя бусы“.

Максъ и Эвелина разсмѣялись. Они прошли черезъ корридоръ въ бібліотеку, оставивъ Христину что-то разсматривавшую черезъ стеклянную дверь кабинета.

— Какое множество книгъ!—сказала Эвелина.—Но ни одна изъ нихъ не выглядитъ интересной. Вотъ тѣ на верхней полкѣ, съ коричневыми корешками, должны быть очень старинныя; вѣроятно, онѣ принадлежали прадѣдушкѣ.

— Посмотри эти старинныя фотографіи,—замѣтилъ Максъ.—Нѣкоторые изъ нихъ всѣ въ пятнахъ. Это, навѣрно, дядя Оскаръ и папа.

Нѣкоторое время братъ и сестра занялись чтеніемъ заглавій книгъ, разсматриваніемъ старыхъ шрифтовъ и фо-

тографій на стѣнѣ. Максъ, бросивъ взглядъ на окно, замѣтилъ:

— Мы не должны забыть закрыть ставни у этого окна и задвинуть желѣзный болтъ, прежде чѣмъ ляжемъ спать сегодня вечеромъ;—иначе кто-нибудь можемъ войти.

Замѣчаніе это, довольно обычное, тѣмъ не менѣе заставило Эвелину призадуматься. До этой минуты она не сознавала, что не всегда будетъ свѣтло и что имъ придется проводить долгое время въ темнотѣ незнакомаго дома,—безъ взрослыхъ, которые могли бы придти къ ней, если ей будетъ страшно. Одно время, казалось, ея мужество начало ослабѣвать.

— Послушай, Максъ,—начала она,—я не знаю, слѣдуетъ-ли намъ оставаться здѣсь однимъ?

— Но почему-же?—освѣдомился Максъ.—Ужъ не трусишь-ли ты?

— Нѣтъ,—отвѣтила Эвелина, не любившая признавать справедливость подобныхъ замѣчаній.

— Теперь слишкомъ поздно телеграфировать Агнесѣ,—заявилъ Максъ.—Я увѣренъ, что все сойдетъ прекрасно. Христина, пойдемъ въ садъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Земля до человѣка.

(Продолженіе).

Когда въ послѣдствіи на нашей планетѣ появились животныя и растенія, то ихъ остатки, въ видѣ листочковъ, стебельковъ, раковинокъ, костей и т. п. такъ же сносились водами вмѣстѣ съ иломъ, и попадали въ тотъ слой, который осаждался на землѣ какъ разъ въ это самое время.

Все, что жило и росло на землѣ раньше—погребло свои остатки въ болѣе глубокихъ слояхъ, и, наоборотъ,—въ менѣе глубокихъ слояхъ покоятся остатки болѣе близкихъ къ намъ породъ.

Это простое соображеніе даетъ возможность съ точностью узнать—какія породы жили раньше, какія—позже, въ какой послѣдовательности онѣ исчезали и смѣнялись все новыми и новыми, пока земля не заселилась, наконецъ, ея настоящими обитателями.

Только что описанныя причины измѣненія земной поверхности стремились сгладить неровности и превратить землю въ гладкій шаръ. Это и случилось-бы, если бы наряду съ ними не дѣйствовали другія, противоположныя имъ силы. Мы упоминали уже о вулканахъ, и теперь скажемъ, что, благодаря ихъ дѣятельности среди водъ океановъ—не-

рѣдко появлялись новые острова и, наоборотъ, случалось, что старые навсегда исчезали подъ волнами, и становились частью морского дна.

Но несравненно могущественнѣе такихъ мѣстныхъ измѣненій было медленное, но постоянное выгибаніе земной коры, которая, хотя и была уже твердой и холодной, но по отношенію къ земному шару оказывалась не толще кожицы для виноградинки. Вотъ почему она все еще продолжала коробиться, медленно приподымаясь въ одномъ мѣстѣ и опускаясь въ другомъ. Подобныя измѣненія въ земной поверхности, хотя и въ менѣе рѣзкой степени чѣмъ прежде, наблюдаются еще и въ наше время: такъ, напримѣръ, городъ Стокгольмъ въ теченіе 50 лѣтъ приподымается, приблизительно, на 19 сан. Для того-же, чтобы показать, насколько существенны были подобныя измѣненія для нашей земли прежде,—достаточно сказать, что все пространство, занимаемое теперь Россіей и большей частью Европы, нѣкогда было моремъ, среди котораго нѣкоторыя изъ нашихъ горъ подымались отдѣльными островами.

Въ теченіе нѣсколькихъ сотъ тысячелѣтій дно этого моря медленно приподнялось надъ водою, океанъ ушелъ отсюда въ другое ложе, и, такимъ образомъ, теперь подъ нашими ногами лежатъ тѣ самые пласты наноса, которые въ далекомъ прошломъ, слой за слоемъ, накапливались здѣсь, бережно погребая въ себѣ остатки всего, что въ тѣ отдаленнѣйшія отъ насъ времена росло и жило на нашей землѣ.

Благодаря неустаннымъ трудамъ, ученые заставили, наконецъ, заговорить эти нѣмые пласты наноса, и рассказать намъ чудесную повѣсть земли, въ которую, пожалуй, трудно было-бы и повѣрить, если бы только въ музеяхъ не хранились обильныя доказательства того, что все, рассказанное ею, есть дѣйствительно непреложная истина!

Разсматривая многочисленныя слои осадка, геологи пришли къ заключенію, что всю исторію земли можно раздѣлить на четыре большихъ періода. Древнѣйшій изъ нихъ— „архейскій“, мы уже описали. Въ началѣ, это было безжизненное царство воды и голыхъ камней. Но уже къ концу этого періода громадныя массы камня оказываются разрушенными, и есть основаніе предполагать, что и жизнь на нашей планетѣ уже зародилась, хотя первые обитатели ея, по всей вѣроятности, были микроскопическими суще-

ствами, состоящими изъ едва осязаемой пленки, слѣды которой, конечно, не могли уцѣлѣть въ слояхъ наноса до нашего времени.

За то, во второй періодъ развитія земли, животный міръ начинаетъ быстро развиваться, и остатки его доходятъ до насъ уже въ значительномъ количествѣ. Впрочемъ, представители этого періода все еще очень просты,—въ большинствѣ случаевъ это: губки, кораллы, наѣкомыя, ракообразныя и рыбы. Не мѣшаетъ замѣтить, однако, что нѣкоторые изъ древнихъ раковъ достигаютъ уже почтенныхъ размѣровъ, и среди нихъ попадаются красавцы длиною до двухъ метровъ. Многія изъ животныхъ того времени, съ нашей точки зрѣнія, едва заслуживаютъ своихъ названій, такъ громадна была разница—между ними и отдаленными ихъ потомками, которые обитаютъ на землѣ въ настоящее время.

Въ продолженіе второго періода появилась также и растительность. Начавшись съ какихъ нибудь ничтожныхъ водорослей, она, мало-по-малу, развилась въ обширныя заросли лѣсовъ; но въ нихъ напрасно стали бы мы искать привычнаго намъ могучаго дуба или привѣтливо-нѣжной березы. Нѣтъ, лѣса того времени состояли изъ невѣдомыхъ теперь растений, родственныхъ нашимъ папоротникамъ, но бывшихъ тогда не травою, а деревьями, достигавшими иногда 20 метровъ въ вышину. Вѣтви этихъ великановъ не украшались ни цвѣтами, ни плодами, такъ привычными нашему глазу теперь.

Но вотъ настаетъ третій періодъ, и картина природы нашей планеты сильно мѣняется.

Третій періодъ ея жизни, по всей справедливости, можетъ быть названъ царствомъ гигантскихъ пресмыкающихся ящеровъ, въ которыхъ постепенно выродились нѣкоторыя породы прежнихъ рыбъ. Эти ящеры распадались на

множество видовъ, и въ тѣ времена являлись владыками всей природы. Они обитали въ водахъ, пресмыкались по землѣ, лазили по деревьямъ и даже носились по воздуху на своихъ перепончатыхъ крыльяхъ, подобныхъ крыльямъ нашихъ летучихъ мышей.

Богатая фантазія человѣка создала не мало сказочныхъ чудовищъ, каковы, на примѣръ, всѣмъ извѣстны: драконы и змѣи-горынычи; но все это блѣднѣетъ въ сравненіи съ тѣмъ, что нѣкогда дѣйствительно обитало на нашей землѣ. Въѣтъ ящеровъ далеко оставилъ за собою животный міръ сказки, и роскошная тропическая природа земли того времени оказалась неизмѣримо могущественнѣе человѣческаго измышленія. Она создала великановъ, достигавшихъ 18 метровъ въ вышину и 20 въ длину! А были и такіе, каковы, на примѣръ, т. н. „атлантозавры“, которые своими размѣрами не уступили бы двухъ-этажному дому средней руки. Отъ этого колосса найдена кость бедра, превышающая длиною ростъ обыкновеннаго человѣка. Каковы же должны были быть мускулы, двигавшіе такую ногу?

(Продолженіе слѣдуетъ).

Между дѣломъ.

Граммофонъ изъ дерева и бумаги.

(Окончаніе).

Когда мембрана готова, можно приступить къ изготовленію самого граммофона.

На рисункѣ 12 представленъ видъ его сбоку—доска, къ одному изъ реберъ которой подъ прямымъ угломъ прикрѣплена небольшая дощечка или планка съ маленькимъ металлическимъ остриемъ б. Въ этой доскѣ по прямой линіи просверливаются два маленькихъ отверстія, одно отъ другаго на разстояніи приблизительно 6 8 вершковъ. Затѣмъ необходимо запастись двумя катушками и тонкой деревянной дощечкой. Изъ дощечки выпиливаютъ 5 кружковъ: одинъ—діаметромъ 4 вершка, три—діаметромъ по 3 вершка и, наконецъ, послѣдній кружокъ—приблизительно около двухъ вершковъ въ діаметрѣ. *)

*) Діаметромъ называется самое большое разстояніе между двумя точками окружности; онъ проходитъ всегда черезъ самую середину (центръ) круга и раздѣляетъ его на двѣ равныя части. Половина діаметра, т. е. разстояніе отъ центра круга до какого-ни-будь мѣста окружности, называется радіусомъ.

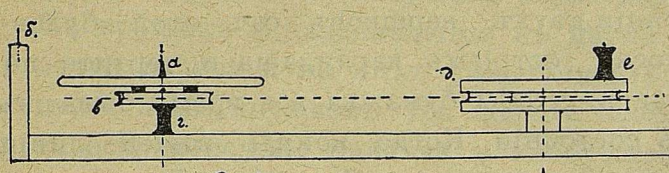

Рис. 12

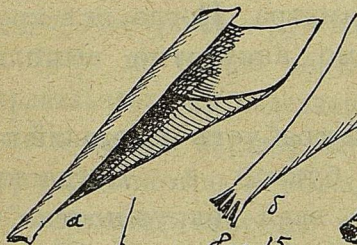

Рис. 15

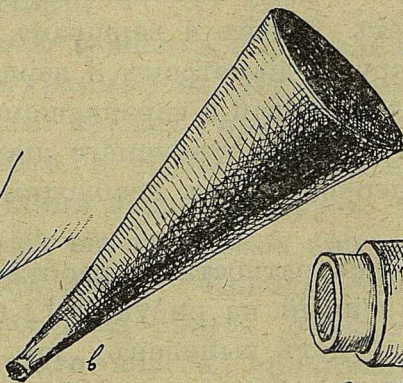

Рис. 14

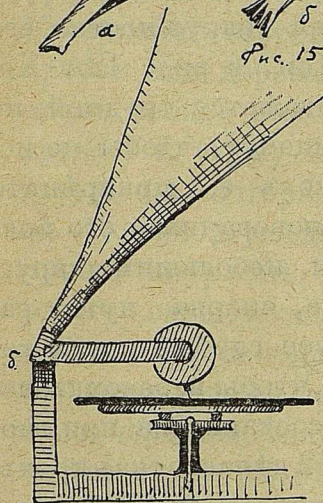

Рис. 16

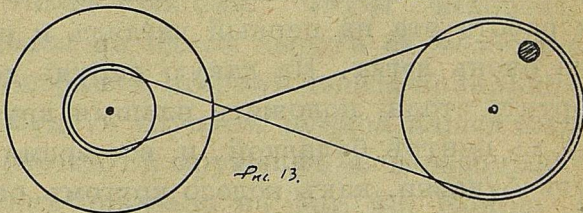

Рис. 13

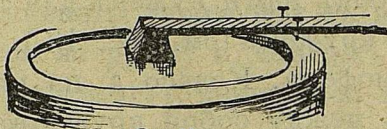

Рис. 11

49.

Парисовать на дощечкѣ правильные круги можно слѣдующимъ образомъ: возьмите узкую полоску бумаги и прикрѣпите одинъ конецъ ея къ дощечкѣ съ помощью иголки или булавки. Затѣмъ, на разстояніи двухъ вершковъ отъ этой булавки, проткните полоску остриемъ карандаша и чертите по доскѣ линію, стараясь, чтобы бумажка все время была въ слегка натянутомъ состояніи. Когда концы вашей линіи соединятся, вы получите правильный кругъ, діаметръ котораго будетъ равенъ 4 вершкамъ. Такимъ образомъ, для полученія круга, діаметромъ 3 вершка, нужно, чтобы разстояніе между иглой и карандашомъ было равно $1\frac{1}{2}$ вершкамъ, т. е. половинѣ требуемаго діаметра. Когда всѣ круги будутъ начерчены, ихъ необходимо аккуратно выпилить лобзикомъ.

Особой аккуратности въ работѣ требуетъ маленькій кружокъ, помѣченный на рисункѣ 12 буквой в. Когда кружокъ этотъ будетъ выпилень, по всей окружности его нужно сдѣлать небольшое углубленіе (см. в рис. 12.) Хотя работа эта на первый взглядъ и покажется трудной, но она очень легка. На какую нибудь дощечку, чтобы не испортить стола, положите плашмя кружокъ в, прикрѣпите его въ центрѣ булавкой, и, все время поворачивая его вокругъ булавки, какъ колесо кругомъ оси, небольшимъ круглымъ напильникомъ дѣлайте углубленіе, сперва чуть замѣтное, по всей окружности, затѣмъ все глубже и глубже. Этотъ желобокъ намъ нуженъ для того, чтобы веревочка, натянутая на кружокъ (см. рис. 13.), не соскакивала при вращеніи граммофона. Колесо д. на рис. 12 дѣлается изъ трехъ склеенныхъ между собой кружковъ, причемъ средній—долженъ быть съ желобкомъ такъ же, какъ и кружокъ в. Когда всѣ кружки готовы, можно приступить и къ сооруженію граммофона. На одно изъ отверстій въ доскѣ ставится катушка г, къ ней приклеивается кружокъ в, и все вмѣстѣ привинчи-

вается въ центрѣ къ доскѣ съ помощью длиннаго тонкаго винта. Винтъ долженъ быть завинченъ не очень сильно, чтобы кружокъ съ катушкой легко вертѣлся вокругъ него. На кружокъ в наклеиваются въ двухъ трехъ мѣстахъ кусочки дерева, и на нихъ уже—самый большой изъ выпиленныхъ нами кружковъ. Къ центру послѣдняго прикрѣпляется остроконечная палочка а, изображенная сбоку рис. 12 въ натуральную величину.

Весь успѣхъ работы зависитъ отъ правильной установки именно этой части граммофона. Необходимо соблюдать, чтобы центръ большого кружка приходился непременно надъ центромъ кружка в, и чтобы остроконечная палочка а была на самой серединѣ большого круга. Маленькая неправильность въ склеиваніи или свинчиваніи этихъ кружковъ вызываетъ полную неудачу всей работы. Приблизительно такъ же прикрѣпляется и колесо д во второе отверстіе въ доскѣ. Къ нижней сторонѣ этого колеса прикрѣпляется кусокъ пробки или дерева, такой толщины, чтобы желобокъ въ этомъ колесѣ находился на одной высотѣ съ желобкомъ въ кружкѣ в. Сбоку на верхней сторонѣ колеса прикрѣпляется катушка е, которая будетъ служить ручкой нашей шарманкѣ. Колесо д, соединяется съ кружкомъ в. веревочкой, или лучше шнуркомъ, какъ показано на фиг. 13. Концы шнура не связываются узломъ, а непременно сшиваются ниткой или тонкой проволокой, такъ какъ узелъ способствовалъ бы постоянному соскакиванію веревочки съ желобковъ. Если теперь мы, взявшись за ручку е, станемъ вращать колесо, то въ ту же сторону станеть вращаться и первая половина нашего аппарата, въ которую мы впоследствии станемъ класть граммофонную пластинку.—

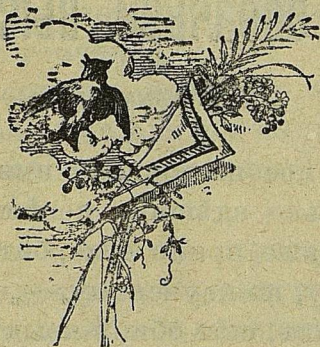
Возвращаюсь къ мембранѣ.

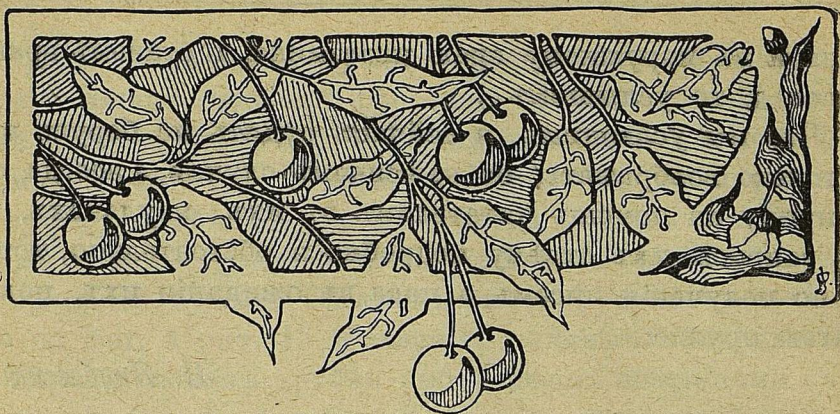
Въ прошлый разъ, на чужомъ граммофонѣ мы испробовали ее и нашли, что она работаетъ вполне исправно, но только очень тихо. Усилить звуки можно съ помощью рупора, или трубы, стѣнки которой постепенно расширяются. Къ рупору прибѣгаютъ всегда, когда хотятъ усилить звуки. Для нашего граммофона мы сдѣлаемъ рупоръ изъ толстой сахарной бумаги. Свернемъ листъ фунтикомъ, какъ показано на фиг. а рис. 15, и склеимъ жидкимъ столярнымъ клеемъ. Нижній конецъ трубки прострижемъ ножницами въ родѣ кисточки (см. б,) и вклеимъ въ него кусочекъ бумажной трубки (рис. 14). Верхній край рупора сравняемъ ножницами и придадимъ ему болѣе приличный видъ. Для того, чтобы звукъ, выйдя изъ мембраны, не терялся ранѣе, чѣмъ достигнетъ рупора, мембрана соединяется съ рупоромъ бумажной трубкой. На рис. 8 (въ прошломъ номерѣ) показано, какъ получить прочную бумажную трубку. Листъ писчей бумаги намазывается столярнымъ клеемъ и накатывается на толстый плотничій карандашъ или же на круглую палочку. Трубка въ десять рядовъ склеенной бумаги будетъ достаточно плотна и прочна. Ее можно даже пилить лобзикомъ, какъ деревянную. Длина трубки должна быть вершка 4-5; края ея спиливаются накосъ, и къ нимъ приклеиваются небольшіе отрѣзки той-же трубки, какъ показано на рис. 9, 10 и 16. Кусочекъ болѣе толстой трубки, которая легко одѣвалась бы на только что приготовленной нами, вклеивается въ нижній конецъ рупора. Одинъ изъ концовъ соединительной трубки приклеивается къ задней стѣнкѣ мембраны, другой же вставляется въ отверстіе рупора, и весь аппаратъ насаживается на б, (рис. 12 и 16). Если теперь мы положимъ граммофонную пластинку на ея мѣсто, т. е. на дѣнемъ отверстіе на шпинекъ а, приставимъ мембрану съ

иголкой въ наружному краю пластинки, и станемъ вращать колесо Д, то услышимъ...

Что мы услышимъ, я сейчасъ судить не берусь и могу только воображать; но во всякомъ случаѣ, я всегда охотно приду на помощь читателямъ въ ихъ неудачахъ, и на всѣ запросы ихъ отвѣчу подробно и обстоятельно, тотчасъ же по полученіи писемъ, а пока, въ ожиданіи ихъ, покорно слагаю оружіе.

Н. Якубовскій.

На собачьей выставкѣ.

(Окончаніе).

— Мое имя, мое настоящее имя, — началъ фоксъ-терьеръ: — Лускъ; только здѣшнія невѣжды называютъ меня Люкъ, а иногда даже прямо оскорбительно Люшка. Мое имя значитъ по вашему, по неученому, — „счастье“. Какъ хорошо, что у насъ, у собакъ, есть общій языкъ, понятный для всѣхъ странъ и всѣхъ временъ! Люди такъ глупы, что не могутъ додуматься до того же. Какъ видите, я удивительно красивъ...

— Ну, братецъ, это на чей [вкусъ]. По-моему, нашъ Полкашка, который живетъ на дворѣ въ будкѣ, куда красивѣе тебя. Есть хоть на что посмотрѣть; а ты — такъ, какая-то тонконогая дрожалка, — замѣтилъ Джекъ.

— И выходитъ, что ты глупъ, неотесанъ, и что у тебя нѣтъ никакого вкуса. Но слушайте дальше. Я родился въ Англіи. Моя мать! О, это была рѣдкая красавица! Черныя пятнышки на ея мордочкѣ были такъ красиво расположены, ея носикъ былъ совершенно черный, а на самомъ кончикѣ...

— Вѣримъ, вѣримъ, красива, красива! — злобно и зави-

стливо взвизгнула левретка,—только не забывай, что у васъ, фоксъ-террьеровъ, очень мордочка тупа.

— Да, не вродѣ гвоздя, какъ у тебя,—сказалъ вдругъ толстый, вѣчно молчащій бульдогъ, очень гордившійся своимъ курносымъ носомъ.—Впрочемъ, вы всѣ уроды. Мопсы еще лучше другихъ. А Впрочемъ, всѣ одинаковы. Солидности ни въ комъ нѣтъ!—Онъ отвернулся ото всѣхъ и презрительно замолчалъ.

— Итакъ,—продолжалъ фоксъ,—я жилъ въ прекрасной конюшнѣ, я былъ любимцемъ главнаго конюха. Насъ, фоксъ-террьеровъ, было видимо-невидимо; но, конечно, онъ выбралъ меня. Вѣдь, красивѣе меня собаки не найти.

— Ну, пошелъ. Да перестань хвастать. Стыдно!—серьезно замѣтила умная гончая.

— Только я не совсѣмъ понимаю, какъ онъ могъ разстаться со мной. Меня послали на выставку. Кстати, я забылъ вамъ сказать, что моя мать получила на выставкѣ медаль.

— Какую медаль? Что это?—спросила левретка.

— Развѣ ты не знаешь? На выставкѣ лучшая собака получаетъ медаль: ну, какъ тебѣ объяснить, ну,—такой твердый блестящій желтый кружочекъ. Это считается очень почетнымъ, и дѣтей такихъ собакъ съ медалями на выставкахъ очень много покупаютъ. Мнѣ мать рассказывала о выставкѣ, о томъ, какъ она получила медаль; но я тогда не обратилъ вниманія. Поэтому въ первый разъ, когда меня привязали и посадили вотъ такъ, какъ сейчасъ, я испугался и долго грустилъ. Вы сами видите, выставка не веселье. Но развѣ наши выставки то, что ваши. У насъ...

— Мы все это знаемъ, десять разъ за одинъ день слышали,—убѣдительно повторила гончая.

— Я васъ не понимаю,—оскорбился фоксъ-террьеръ.—Вѣдь вы невѣжды. Вы въ Европѣ никогда не были и да

же не желаете слушать умныхъ собакъ. Словомъ, меня, такого красавца, сейчасъ же продали. Не знаю за сколько: вѣроятно—дорого. Вѣдь я такъ красивъ! И тутъ начались мои мытарства. Меня закупили въ клѣтку, въ ящикъ и повезли. Я узналъ потомъ, что меня везли по морю.

— Море? Что такое море?—спросило много голосовъ.

— Море? Ну, какъ вамъ объяснить! Море—это большой... много, много воды! Ну, прудъ большой. Только тамъ очень невкусная вода. Мы жили около моря, и я часто видѣлъ, какъ большія зданія, ну, вродѣ нашихъ конюшенъ, ходили по морю и дымили. Но когда меня въ клѣтку отнесли въ такую конюшню, я прямо пришелъ въ отчаяніе. Запахъ тамъ прескверный. Въ нашихъ конюшняхъ пахнетъ лошадьми и тепло, и пріятно, а тамъ—какой-то гадостью. Я даже не понялъ чѣмъ. Словомъ, не хорошо. А главное, скверно стало, когда все вдругъ и надо мной и подо мной заходило, закружилось, полъ началъ опускаться и подниматься.

— Лордъ Грей, знаменитая лошадь...

— Все у тебя знаменитое,—зѣвнулъ Джекъ.

— Да, Лордъ Грей—знаменитая лошадь; она тоже на выставку по морю ѣздила и медаль получила. Лордъ Грей рассказывалъ мнѣ, какъ непріятно ѣздить въ такихъ конюшняхъ: что тамъ такъ шатаетъ, что когда уже на землю выйдешь, и то долго голова кружится. Но чтобы это было настолько скверно, я не думалъ. Главное, я сидѣлъ въ совершенной темнотѣ и одинъ. Моего друга Виля, который сидѣлъ со мной и съ другими собаками на выставкѣ, здѣсь не было. Мнѣ взгрустнулось. Я вспомнилъ о матери, о лордѣ Греѣ, о Вилѣ, который такъ часто кормилъ меня сахаромъ, и завылъ въ темнотѣ. Потомъ, конечно, опомнился. Такое благородное животное, какъ я, и вдругъ воетъ, какъ послѣдняя дворовая собаченка. Сколько вре-

П. ИВАНОВЪ 9/10

Катаніе

на маслѣницѣ

въ старой Москвѣ.

мени меня качало, я не знаю. Наконецъ, меня вынули вмѣстѣ съ клѣткой, поставили на полъ. Вокругъ меня ходили чужіе люди, и какой-то господинъ на непонятномъ языкѣ предлагалъ мнѣ ѣсть.

— Мы, собаки, очень скоро научаемся понимать разные человѣческіе языки. Я догадался, что это мой новый хозяинъ, и несмотря на то, что онъ мнѣ не понравился (онъ толстый, красный, и у него другой запахъ, чѣмъ у Вилия), я былъ съ нимъ любезенъ.. Но онъ все-таки меня не выпустилъ. Мою клѣтку снова схватили и втиснули въ другую конюшню на колесахъ. Что-то зашумѣло, запыхтѣло, и я остался въ темнотѣ.

— Теперь меня не качало больше, а какъ-то подбрасывало мелкими толчками.

— Очень непріятно и темно, и я опять одинъ.

— Но я отношусь ко всему хладнокровно. Если бы мнѣ хотѣли сдѣлать вредъ, меня не купили бы на выставкѣ, не дали бы за меня блестящихъ кружечковъ, которые люди называютъ деньгами, и которые они очень любятъ. Не понимаю, за что! Ёсть нельзя: и жестко и холодно. Вродѣ медали. Я пробовалъ. Да кто людей пойметъ? Но я уклоняюсь отъ разсказа.

— Вотъ меня опять вытащили и привели въ конюшню. Очень недурную; конечно, хуже нашей. Я сейчасъ же познакомился со всѣми собаками и нашелъ ихъ очень неразвитыми; напр., онѣ ничего не знали о качающихся конюшняхъ. Я имъ, конечно, не сказалъ, что самъ недавно узналъ о нихъ; и я имъ показался очень ученымъ.

— Ты, можетъ, и намъ также врешь,—сказалъ лѣниво Джекъ; — да мнѣ все равно. Въ тряскихъ домахъ я самъ ѣздилъ—они у насъ называются поѣзда; а о качающихся не слыхалъ.

— Жизнь моя,—продолжалъ фоксъ,—была и здѣсь великолѣпна. Мнѣ не особенно нравились хозяева, но среди собакъ я былъ первымъ и по уму и по красотѣ. Нѣмецкіе невѣжды, мои хозяева, не могли выговаривать мое благородное имя и перемѣнили меня въ Лѣкки. Я сначала обижался и не шелъ на эту кличку; но потомъ я узналъ, что Лѣкки былъ раньше у нихъ богомъ, богомъ огня. Я, конечно, никакъ не могъ понять, что это значитъ; но потомъ рѣшилъ, что это что-то почтенное. Я думалъ, что люди очень уважаютъ огонь, разъ они его въ трубочкахъ постоянно во рту носятъ.

— Не знаю, чему радоваться, что огнемъ прозвали. Я разъ наступилъ на такую штучку,—папирсой она называется,—и очень больно было,—прибавилъ сонный бульдогъ.

— Толстая у людей, должно быть, кожа во рту,—взвизгнула левретка.

Фоксъ презрительно посмотрѣлъ на нее. Онъ не уважалъ ее за то, что она вѣчно дрожала; и хотя онъ самъ постоянно дрожалъ, онъ думалъ, что у него это выходитъ иначе и удивительно благородно.

— Главное развлеченіе было ходить на охоту за крысами,—продолжалъ фоксъ-террьеръ.—Я душилъ ихъ сотнями, тысячами. О, какъ это весело!

— Ври, да знай же мѣру,—сказала презрительно гончая;—дичь нашель! Вотъ зайцы...

— А волки?—воскликнула восторженно борзая и даже зажурилась.

— Не знаю, каковы волки; но крысы, по-моему, самая благородная дичь;—невозмутимо продолжалъ фоксъ.

— Господа, не спорьте! и такъ скучно,—успокоилъ Джекъ.

— Недолго продолжалось мое блаженство. Меня опять

повезли; я думалъ—на выставку и, очень гордился, думая, что я оттуда вернусь съ медалью. Не тутъ-то было. Меня привезли сюда, и я попалъ къ какой-то глупой женщинѣ, которая, вмѣсто того, чтобы пустить меня въ конюшню на душистую солому, держитъ меня въ своей глупой комнатѣ и даже гулять не пускаетъ одного. Стоило для такой жизни четыре дня въ тряской конюшнѣ сидѣть. Вотъ измучился. Я мерзъ, дрожалъ, какъ самая послѣдняя левретка.

— Знаете, это ужъ черевчуръ,—завизжала левретка.

— Я все-таки разъ убѣжалъ. Бѣгалъ цѣлый день, цѣлую ночь. Но на другое утро они опять вернули меня. Я проголодался, и когда Аѳимья, наша кухарка, увидала меня, она предложила мнѣ мяса; я пошелъ за ней, и меня опять заперли.

— Теперь я опять на выставкѣ. О, если бы кто-нибудь меня купилъ и отвезъ бы домой въ конюшни, къ лорду Грею, къ Вилу, я бы даже согласился еще посидѣть въ ка-чающейся конюшнѣ!

Фоксъ замолкъ.

Незабудочка сидѣла на своей голубой бархатной подушкѣ и даже не злилась. Ей стало такъ грустно, что она такая маленькая, такая бѣленькая, что она ничего никогда не видала и не увидитъ. Вспомнила она свое дѣтство, какъ она росла въ голубой корзинкѣ, какъ она гуляла покомнатѣ, какъ она сидѣла на колѣняхъ хозяйки. Только и знала она о томъ, что есть дворъ и улица и другія собаки, отъ Джека, да и того рѣдко пускали къ Незабудочкѣ. И теперь сидитъ Незабудочка на своей голубой бархатной подушкѣ маленькая, маленькая, меньше всѣхъ собакъ, даже меньше Бижу, и холодно ей, и ничего она никогда не видала, и ничего никогда не увидитъ. Вернется она съ выставки

домой въ голубую корзинку и больше никого и ничего не увидетьъ.

Незабудка печально посмотрѣла на фокса, на Джека, свернулась въ клубочекъ и затихла.

Н. Гиляровская.

Рѣшеніе шарадъ, загадокъ и пр.

Помѣщенныхъ въ № 1. журнала.

Шарада: Марс-ель.

Створч. задача: Россія. Москва.

въ № 3.

Загадка буквъ: Шалашъ.

Загадка. Огонь.

Шарада: По-бѣда.

Содержаніе: Стихотвореніе. *Н. Гиляровской*.—Волшебныя бусы (продолженіе).—Земля до человѣка (продолженіе) *П. Джунковскаго*.—Между дѣломъ (окончаніе) *Н. Якубовскій*.—На собачьей выставкѣ *М. Гиляровской*.—Рѣшеніе шарадъ и загадокъ.—Новыя книги для дѣтей.—Объявленія.

Москва, Тип. Филатова. Срѣтенка Колок. пер. д. Малюшина.

Редакторъ-издатель **Н. И. Фиделли.**

НОВЫЯ КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

(Младшій возрастъ).

Сказки старухи-го ворухи о животныхъ.

(Изъ народныхъ сказокъ).

Кочетокъ и Курочка (Русская сказка).

С.-ПБ. Цѣна 85 коп.

Эти двѣ книжки, роскошно изданныя А. Ф. Дебріеномъ, могутъ служить прекраснымъ подаркомъ для дѣтей. Оригинальные рисунки въ краскахъ худ. Дудина и Ткаченко въ первой книжкѣ, и А. В. Перучева во второй не оставляютъ желать ничего лучшаго. Отъ каждой картинки такъ и вѣетъ сказкой. Каждая фигурка приковываетъ къ себѣ взглядъ читателя, и поражаетъ своей простотой и изяществомъ. Особенно хороши съ художественной стороны „Сказки Старухи говорухи“.

Гораздо менѣе взыскательнаго читателя могутъ удовлетворить *Сказки — картинки* В. Каррика. Повидимому, предполагается выпустить ихъ цѣлый рядъ, но пока вышли только 3 книжечки: 1) Котъ, Лиса, и Пѣтухъ, 2) Колобокъ и Рукавичка и 3) Пѣтухъ и Бобокъ, Козликъ. Цѣна каждой книжки 10 коп. Иллюстраціи, исполненныя перомъ, сами по себѣ довольно удачны и интересны; но небрежное изданіе портитъ все дѣло. Такія книжечки не хранятся въ дѣтскихъ бібліотекахъ, а забрасываются тотчасъ же по прочтеніи. Форматъ книжекъ тоже не совсѣмъ удаченъ; было бы лучше, если бы онъ издавался съ тѣмъ расчетомъ, чтобы впоследствии соединить все выпуски въ одну книгу.

Средній возрастъ.

О. П. Алексѣева „ИСКОРКА“.

(Разсказъ изъ пріютской жизни) Изд. А. Ф. Девріена.

С.-ПБ. Цѣна 1 руб., въ папкѣ 1 р. 25 к.

Книжка написана очень интересно и съ первой же страницы захватываетъ молодыхъ читательницъ и заставляетъ ихъ жить вмѣстѣ съ маленькой героиней разсказа—дѣвочкой, попавшей въ пріютъ. Книжка, безъ сомнѣнія, оставитъ добрый слѣдъ въ дѣтской душѣ и заронитъ искорку любви къ ближнимъ. Разсказъ иллюстрированъ многими, но весьма слабыми и непродуманными рисунками Герунгъ-Карпинской. Какъ примѣръ непродуманности ихъ можно указать на первую картинку, гдѣ, среди гуляющихъ ранней весной по набережной, есть фигуры въ лѣтнихъ платьяхъ безъ пальто. Извозчикъ, который „плелся чуть не шагомъ“, отсутствуетъ совершенно, а его мѣсто на козлахъ занимаетъ чемоданъ. Рис. 2. Кто скажетъ, что дѣйствіе происходитъ ночью, когда глазъ долженъ привыкать къ темнотѣ? и т. д. Последний рисунокъ „Вслѣдъ за ней выходитъ на эстраду Муса“ совершенно не соответствуетъ тексту, и глядя на него, невольно спрашиваешь Г-жу Г.-К., гдѣ же сидяцій „въ первомъ ряду почетный попечитель, высокій и видный, въ лентѣ со звѣздой, и гдѣ та начальница, къ которой обращается попечитель со словами: „какая предѣсть“.

Но въ общемъ и эти рисунки не портятъ хорошаго впечатлѣнія, которое производитъ сама книжка, и мы особенно рекомендуемъ ее дѣвочкамъ отъ 7 до 12 лѣтъ.

Гр. Э.

При этомъ номерѣ рассылаются 5 выпусковъ Энциклопедическаго словаря.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ.

Дѣтскіе Наряды

М. Половъ.

(Бывш. РУСАНОВЪ и ПОЛОВЪ).

МОСКВА, Кузнецкій пер., (Мостъ) № 4.

Иллюстрированный Прейсъ-Курантъ
высылаю бесплатно.

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО.

**СТРАДАЮЩИМЪ
ХОЛОДНЫМИ НОГАМИ**

ОХОТНИМЪ

наѣздникамъ

Лыжникамъ и

Молокровнымъ,

Необходимо носить

наколѣнники

„ГРѢЙ!“

на шерстяномъ пуху

самоогрѣвающие,

Не сползающіе.

ЦѢНА

за пару

смотря по размѣру ноги.

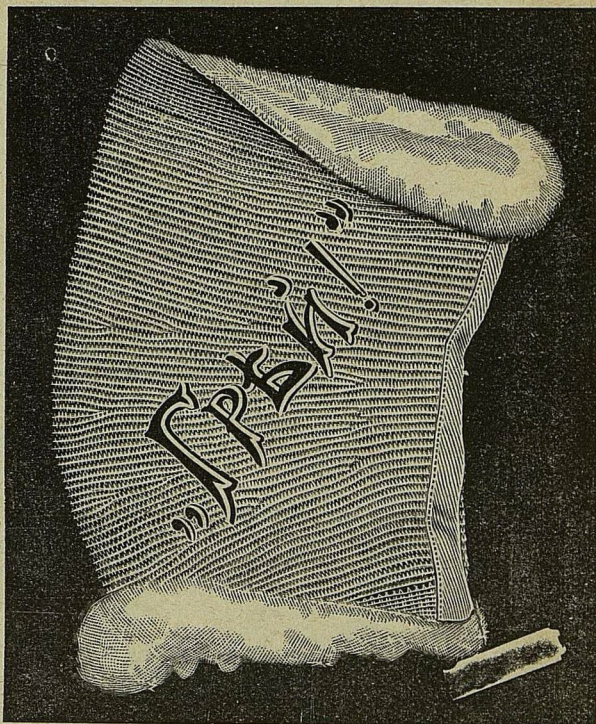
35 Сантиметровъ . 4 р. 50 к.

38 " 5 " — "

40 " 5 " 50 "

42 " 6 " — "

Болѣе 42 сантиметр. 6 " 50 "

Бандажистъ Г. ШВАРТЦЕ. Москва, Маросейка 15. Тел. 90-20

ЛѢЧЕБНИЦА И. И. ГИМИЛЛЕРЪ
Москва, Н. Багчанная, д. 14.

для
страда-
ющихъ

ЗАИКАНИЕМЪ

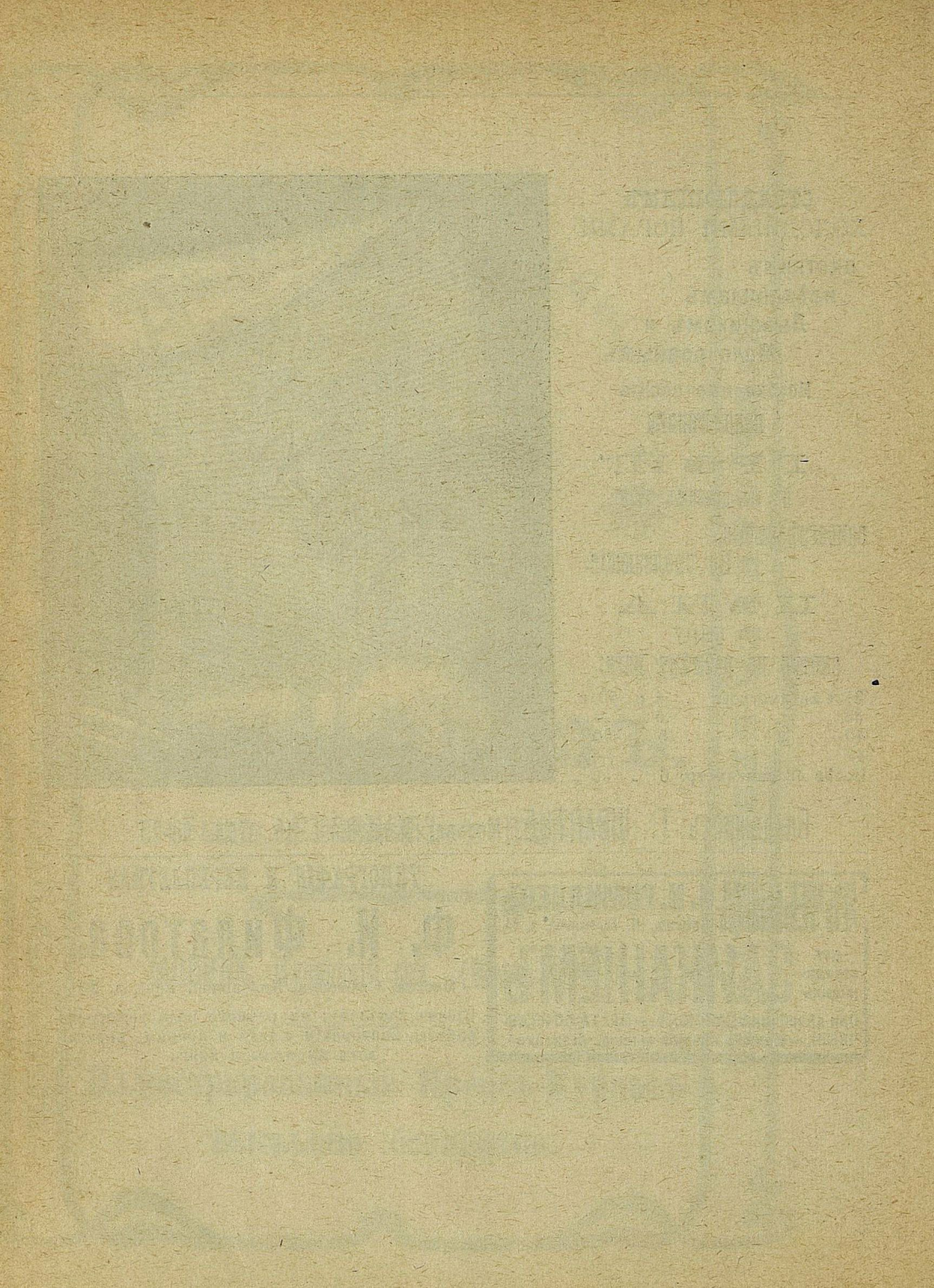
При лѣчебницѣ ПАКСІОНЪ. — ПЛАТА ПО ИЗЛѢ-
ЧЕНІИ. — Условія лѣченія высыл. бесплатно.

ТИПОГРАФІЯ И ПЕРЕПЛЕТНАЯ

Ф. И. Филатова.

Москва, Срѣтенка, Колокольна. пер., д. 26.

Пріемъ заказовъ: на разнаго рода типограф.
работы, конторскія книги и приним. переп.
леть журналы и книги

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1910 г.

(4-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

на популярно-образовательный и литературно-художественный иллюстрированный журналъ для дѣтей 9—12 лѣтнаго возраста.

ДѢТСКІЙ МІРЪ

Большая золотая медаль на выст. въ Марсели 1908 г.

— Похвальный листъ на выст. Искусство въ жизни ребенка. С.-Петербургъ 1908 г. —

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ.

24 книжки журнала, содержащихъ по 32—48 страницъ богато иллюстрированн. текста.

24 книжки приложений.

3

рубля
въ
годъ
съ дост.
и перс.

на $\frac{1}{2}$ года—1 р. 50 к.,—на 3 мѣс.—75 к.,

Москва, Малая Лубянка, № 20, телефонъ № 15-03.

Редакторъ-Издатель *Н. М. Фиделли.*

ОТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ.

1. Лица, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, прилагаютъ для отвѣта 7-ми копеечную марку для открытій писемъ.

2. Заявленія о неполученіи номера адресуются непосредственно въ редакцію и не позднѣе полученія слѣдующаго №.

3. Заявленія о перемѣнѣ адреса посылаются непосредственно въ редакцію, при чемъ необходимо указать и старый адресъ. При перемѣнѣ адреса уплачивается 30 коп. До полученія денегъ, контора продолжаетъ высылать журналъ по старому адресу.

4. Рукописи, присылаемыя въ редакцію, должны быть четко написаны и снабжены подробнымъ адресомъ автора. Принятые рукописи въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются.

5. Желающіе получить рукопись обратно должны присылать почтовые марки для отсылки рукописи. Рукописи меньше одного листа уничтожаются.